

Джой Моен

КРОВЬ для МОТЫЛЬКА

**LIKE
BOOK**
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М74

Иллюстрация на переплете VIS
Художественное оформление С. Леманн

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации
© FrentaN, paprika, Cernecka Natalja, CraftyKittyArt, SpicyTruffel,
float, Helga_creates / Shutterstock.com / FOTODOM.
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM.

В оформлении использована иллюстрация:
© olgasoi007 / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Моен, Джой.
М74   **Кровь для мотылька / Джой Моен.** — Москва : Эксмо,
2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-211290-4

Элайн Мелтон — потомственная ведьма. Но не знает об этом. Девушка живет с тетушками в волшебном доме и работает в кафе на углу, где подает лучший чай по семейным рецептам. Помимо ведьм, в городе обитают сирены, гарпии и вампиры. Одним словом, существа, способные контролировать свою природу. Но мир весьма хрупок, и одной случайности достаточно, чтобы его разрушить...

Однажды ночью на пороге дома Элайн появилась женщина в кровавых лохмотьях. А на следующий день жестокое убийство незнакомки потрясло всю Венгрию. В дело был вынужден вмешаться клан вампиров. В целях безопасности и до окончания следствия Элайн живет в замке владыки вампиров Де Кольбера. Девушка думает, что теперь она под защитой, но ее втягивают в придворные интриги и нечестную игру... а еще у нее возникает симпатия к юному вампиру Матэушу...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211290-4

© Джой Моен, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Моему Ангелу-Хранителю.

Always

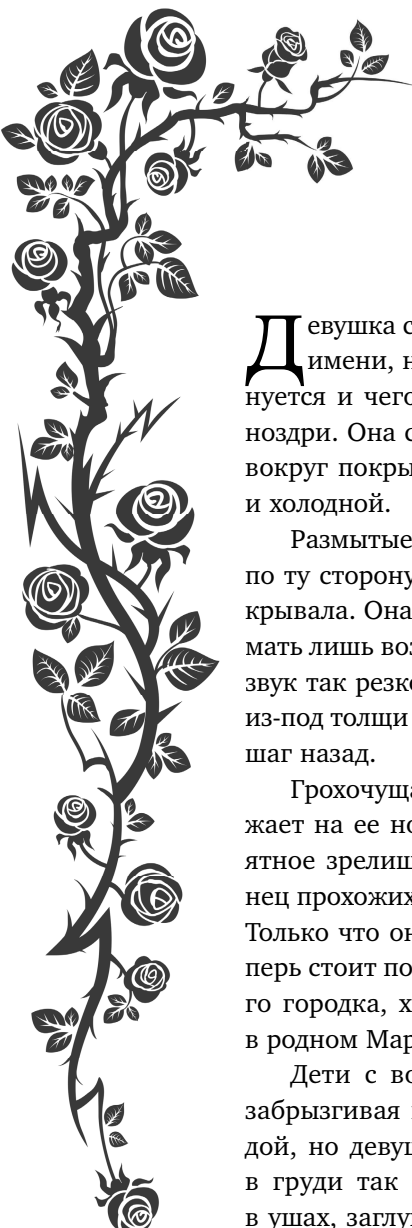

Почему человек так гордится чувствами, возвышающими его над животными? Они лишь умножают число наших нужд. Если бы наши чувства ограничивались голодом, жаждой и похотью, мы были бы почти свободны; а сейчас мы подвластны каждому дуновению ветра, каждому случайному слову или воспоминанию, которое это слово в нас вызывает.

Мэри Шелли. «Франкенштейн»

ПРОЛОГ

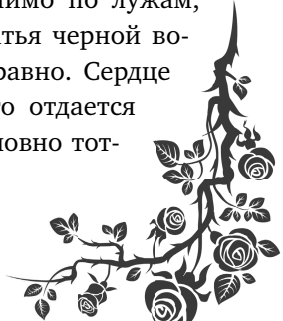

Девушка слышит, как кто-то вдалеке зовет ее по имени, но голоса не узнает. Этот человек волнуется и чего-то страшится, запах ужаса щекочет ноздри. Она силится разглядеть хоть что-то, но все вокруг покрыто плотной дымкой, подрагивающей и холодной.

Размытые образы плавно перемещаются словно по ту сторону натянутого на бельевую веревку покрывала. Она тянет к ним руку, но получается поймать лишь воздух. По мановению дьявольской руки звук так резко проникает в уши, вырывая девушку из-под толщи неведения, что та, вскрикивая, делает шаг назад.

Грохочущая по мостовой повозка чуть не наезжает на ее ногу, грозясь превратить в нелицеприятное зрелище, и девушка тут же вливается в танец прохожих на грязной, мокрой от дождя дороге. Только что она спала в собственной постели, а теперь стоит посреди оживленной улицы неизвестного городка, хотя готова поклясться, что засыпала в родном Марцали.

Дети с восторгом мчатся мимо по лужам, забрызгивая нижнюю юбку платья черной водой, но девушке будто бы все равно. Сердце в груди так бешено бьется, что отдается в ушах, заглушая иные звуки, словно тот-

час разорвется в клочья. Мозг отчаянно пытается понять, что происходит, но где-то в глубине души кажется, что ответ она уже знает.

Тело перестает слушаться, и лишь инстинктивно незнакомка осознает, что ледяные пальцы крепко сжали подол, а ноги несутся прямо в непрекращающийся поток людей. Стук каблуков, скрип колес, фыркание лошадей, гул, разговор и детский смех. Какофония звуков объединилась в единую симфонию, побуждая бежать быстрее, лишь бы оказаться как можно дальше отсюда.

Замирает в самом центре толпы, отчаянно озираясь в поисках отступления, но ни проблеска света не сможет пробиться сквозь плотно идущие тела. Пальцы сводит судорогой от того, как сильно они вцепились в ткань, но незнакомка не в силах заставить их разжаться. Из горла вырывается звук, но девушка не слышит его. Кажется, это чье-то имя. Можно ли звать кого-то по имени, если уверен, что тебе не знакомо ни одно лицо? Вновь и вновь с уст слетает милое сердцу имя, но никто не отзывается.

Девушка чувствует соленую влагу на щеках и губах, но не успевает понять, она это плачет или же дожди здесь на редкость ядовиты, пока не замечает его. Невдалеке мужчина, которого незнакомка определенно видит впервые, но не перепутает ни с кем другим, он стоит в конце улицы, откуда поднимается толпа, с маской глубокой печали на лице. Ее сердце трепещет, а руки сами тянутся к прекрасному лицу, чтобы стянуть печаль и вновь узреть кривоватую улыбку тонких губ.

Со всех сил ноги мчатся за ним, когда мужчина теряется среди людей, одетых в такие же белоснежные рубашки навыпуск со свободными рукавами и черной жилеткой поверх. Преодолев темный узкий переулок, изрядно запыхавшись, дева неустанно продолжает твердить его имя, будто молитву, надеясь, что в этот раз будет услышана.

Оглушающая тишина рвет перепонки, когда незнакомец резко останавливается в тупике улочки, медленно поворачиваясь. Сердце тоже замирает при виде огромных глаз-озер, цвет которых напоминает весеннюю прогулку по лесу после дождя. Зрачки мужчины расширены, взгляд просит о чем-то без слов, но незнакомка не понимает.

Вместо этого она тянет руку к его короткостриженным, немного вьющимся темным волосам, пока глаза не опускаются на некогда белую рубашку, где пышным пионом с оборками распустилась бордовая кровь. Легкий ветер колышет полы рубашки, насмешливо торчащей из-под пояса узких черных брюк. Незнакомец падает на колени, а из груди девушки вырываются крики боли, словно это ее грудь кровоточит, словно это она сейчас погибнет.

С этим самым криком Элайн села в постели, понимая, что когда-то успела охрипнуть. Судорожно хватая ртом горячий летний воздух, она чувствовала, как прилипла к телу ночная сорочка, а волосы, влажные от пота, завились на висках. С трудом разжимая пальцы, которые все это время с усилием стискивали белье, она трогает свое лицо и грудь, чтобы еще раз убедиться, что это был лишь сон. Устало опустившись на влажную подушку, Элайн выдохнула, смотря в синеву ночи, приветствующую ее из открытого окна спальни.

— Всего лишь сон. Снова...

ГЛАВА 1

Солнечный луч, скромно показывающийся из открытого окна, крался по каждой поверхности комнаты, пока не нашел то, что привлекает его больше всего — лицо девушки. От беспокойного сна, в который она вновь погрузилась уже под утро, ее темные густые волосы растрепались по подушке, пряча часть миловидного лица.

Если бы солнце обладало желаниями сродни человеческим, то непременно захотело бы отодвинуть непослушные пряди и взглянуть на миндалевидные глаза, тонкий нос с чуть широкими крыльями, аккуратный приоткрытый рот с припухлой нижней губой, брови, обычно придающие их хозяйке сочувствующий вид, но сейчас нахмуренные. Руки девушки находились по обе стороны от ее головы.

Несмелый шпион небесного светила медленно спустился по ее тонким полусогнутым пальцам, нежному запястью, все еще хранившему запах духов, нанесенных накануне, скользнул в рукав съехавшей до локтя ночной рубашки. Элайн вздрогнула, услышав бой заведенного на семь утра часового шкафа, стоящего в зале у входа.

Со стоном, все еще пребывая в полусне, она перевернулась на бок, натягивая одеяло до самой макушки. Часы пробили ровно семь раз, и в доме воцарилась тишина. Одеяло, словно по велению ветра, которого не могло быть

этим знойным утром, сдунуло с девушки, и она по инерции зажмурилась сильнее, подтянув ноги к груди. Пытаясь притвориться спящей, замерев, насколько было возможно, Элайн почти не дышала. Но тут подали голос вновь ожившие напольные часы, громко и нещадно напоминая о начале нового дня.

— Ох, да встаю я уже, встаю!

Потянувшись во весь свой небольшой рост, придерживая край белой прямой рубашки до пят, девушка спустила босые ступни на уже начавший нагреваться пол и первым делом закрыла окно, чтобы не впустить жару внутрь, пока Элайн не будет дома.

Марцали уже встречал всех ранних пташек в ослепительном оранжевом рассвете. Вдалеке блестели крыши соседних домов, раскиданных по разные стороны от хлебного поля. От одного дерева, растущего вдоль неровной дороги, к другому перелетали птицы, издавая завораживающие трели. Элайн невольно загляделась на свой родной и такой спокойный город, пока слуха не коснулся свист чайника, нарастающий с каждой секундой.

— Боже, ты мог бы подождать еще хоть мгновение! Негодник!

Стуча пятками по деревянному полу, девушка стремглав выбежала из своей комнаты и помчалась мимо закрытой спальни тетушек, вниз по лестнице, мимо просторного светлого зала в арку на кухню. Она утихомирила пузатого железного друга, но еще какое-то время казалось, что свистит даже в голове. Отдышавшись, Элайн Мелтон уперла руки в бока, вглядываясь куда-то в потолок комнаты, плотно сжав губы и сведя брови к переносице.

В тот же миг в пустой фарфоровой вазе на столе оказался букет пышных пудровых пионов, любимых цветов Элайн. Наигранная злость уступила на лице девушки место улыбке, когда она взяла их в руки, стараясь не помять рюшевидные лепестки, и с удовольствием вдохнула аромат свежих растений.

Магия заколдованного тетушками дома распространялась на каждый предмет внутри него и даже на то, чего в нем не имелось. Способности теток лишь подтолкнули дом пробудить свой истинный характер.

— Прощаю. Ты знаешь, как подобрать ключик к сердцу дамы.

Ласково погладив крышку стола, будто нашкодившего щенка, Элайн заметила, что дом заурчал, выражая благосклонность

к хозяйке через шум в дымоходе камина и летящие из кладовой продукты для завтрака.

В воздухе парили десяток яиц, сыр, молоко, свежий помидор, аккуратно приземляясь на поверхность столешницы. Вслед за ними из настенных шкафов появились сковорода, венчик и глубокая фарфоровая чаша для болтуни. Не успела емкость коснуться стола, как в нее уже упали два разбитых тут же яйца, немного молока, а помидор одновременно нарезался на мелкие кусочки. Металлический чайник поднялся с места, но девушка остановила его:

— Спасибо, не стоит! Заварю чай сама, когда выйду из ванной.

Из носика комом выскочил пар, сопровождаемый резким свистом.

— О, я знаю, но сегодня мне хочется сделать это самой.

С этими словами маленькая хозяйка заколдованного особняка поднялась по лестнице, удаляясь для ваннных процедур.

Обжигающая кожу вода дарила легкость во всем теле, а запах благоухающих засушенных лепестков роз и стеблей трав, которые девушка горстью кинула в ванну, заставил разум покинуть все неприятные воспоминания о дурном сне.

Запуская пальцы в наполненные влагой блестящие волосы, Элайн закрыв глаза, невольно вспомнила, как у нее возникло нестерпимое желание коснуться волос незнакомца из сновидения. Они виделись ей такими мягкими и приятными на ощупь, словно дорогостоящий бархат. Довольно часто девушку посещали сны, яркие, реалистичные до мурашек, но она никогда не делилась ими со своими тетушками, потому что по опыту знала — сны никогда не сбываются.

Сны — это всего лишь сны, урывки фантазий, обрывки некогда увиденного или сказанного кем-то вскользь. Можно было невзначай услышать пару фраз из разговора во время прогулки по оживленному торговому центру Марцали, краем глаза заметить рекламную вывеску или вовсе афишу старого театра, как разум тут же принимался за работу, формируя путем несложных манипуляций совершенно безумные идеи и картины.

И все же Элайн Мелтон, будучи девушкой впечатлительной, любящей на досуге поразмышлять, лежала в ванне, вытянувшись во весь рост, и пыталась понять, мог ли приснившийся мужчина

существовать на самом деле. Самым простым было обратиться к тетушкам, Мишель Гатинэ и Джиневре Бенон, потомственным ясновидящим, чьи силы не безграничны и даже весьма заурядны, но истолковывать сновидения было их основным делом, за которое им неплохо платили.

Некоторые женщины, а порой и мужчины, от бедных до богатых, позволяли себе потратить пару монет, чтобы узнать, является их то или иное видение взаправдашним или лишь плодом разбушевавшегося воображения из-за съеденного на ночь не слишком свежего макового пирога. Естественно, большинство сновидений не значили ровным счетом ничего, но существовали и иные — несущие предупреждение о том, чего делать не стоит, а также указующие вполне конкретный верный путь.

Будучи ведьмами по своей нечеловеческой природе, Мишель и Джиневра точно знали, с каким настроением люди приходят к ним в дом. И если оно благоприятно, а мотивы самые что ни на есть безгрешные, тетушки принимались за сеансы ясновидения с участливым рвением. На людей же, несущих негативное влияние, ведьмы натравливали свой чудесный, но своенравный дом, тут же принимающийся громко стучать ставнями, завывать ветрами, гуляющими в дымоходе, цепляться ветками ближайших кустов и деревьев.

Особо настырных дом любил обвивать корнями, крепко связывая лозой плюща, обвивающего дом настолько, что тот уже казался частью фасада, пугая непрошенных гостей до полуобморочного состояния. А когда гости со всех ног удирали, сверкая пятками начищенной обуви, он принимался скрипеть старыми досками, шуршать листьями азалий и гортензий, посаженных вокруг, и эти звуки напоминали каркающий, самодовольный смех старика.

Элайн любила этот дом вместе со всеми его обитателями, число которых сейчас сводилось к трем. Отогнав от себя грустные мысли, назойливо просящиеся занять место действительно важных дел насущных, молодая хозяйка вошла в свою комнату, чтобы подготовиться к рабочему дню. Помимо массивной кровати из тяжелого дуба с резными столбиками, в комнате находился платяной шкаф из того же дерева, две прикроватные тумбы, туалетный столик с зеркалом в узорчатой оправе.

Элайн Мелтон не нравилось привлекать внимание пышными нарядами, коими пестрили гардеробы всех уважающих себя дам, ей по вкусу были невычурные, простые, а главное, удобные вещи, не отвлекающие от созерцания прекрасного мира вокруг.

Бархатные, шелковые, атласные наряды все же имелись в гардеробе девушки, но, чтобы не беречь до конца не зажившие раны, Элайн редко доставала платья, доставшиеся ей от родителей. Однако были среди них и любимые вещи, которые она умудрилась сочетать так, что не смыслящий в моде человек мог отнести девушку к роду знатных дам, а эти дамы — оценить вкус Элайн и смелость выйти в подобном в свет.

Итак, молодая хозяйка была одета уже через неполные полчаса в отцовскую белую шелковую рубашку с рюшами и длинными рукавами, расклешенными у локтей и вновь сужающимися к самому запястью. Поверх рубашки, поддерживая упругую грудь, стягивая и без того тонкую талию, красовался черный кожаный корсет, плавно перетекающий в накрахмаленную плиссированную юбку цвета взбитых сливок.

Пригладив гребнем почти высохшие волосы, Элайн дополнила образ тонким ремешком из кожи, застегнув его на шею. Чулки и туфли уже были на ней, когда девушка вбежала на кухню, чтобы позавтракать и заварить свежего бодрящего чая из трав, собранных ею в лесу за домом.

Аромат ромашки, мяты и можжевельника разнесся по комнате, когда кипятик коснулся сушеных листьев. Краем глаза Элайн увидела рядом с кружкой, над которой теперь шел пар, полупустую овальную чашу для ясновидения, на дне которой еще плавали крупные чайники. Помешивая напиток, девушка невольно задумалась, кто же пил из нее последний и удалось ли тетушке Мишель увидеть истину.

Яичница уже успела изрядно остыть, но все равно была вкусной. Тщательно пережевывая свой завтрак, Элайн обвела взглядом комнату, наткнувшись на толстый комок пряжи в кресле, на которое небрежно накинули теплое смятое одеяло, вероятно, еще хранившее тепло Джи. Кроме гадания на чайниках и магическом шаре Джиневра владела связующей магией.

Если пророчество Мишель было неприятным, но на него можно было повлиять, ее младшая сестра садилась за нить, пропуская ее меж тронутых возрастом пальцев, и пряла узелки в правильных местах. Это позволяло смягчить удары судьбы, а по возможности и вовсе отвести неудачи от человека. Элайн представила слаженную работу тетюшек по маминой линии, и в ее сердце неприятно кольнуло.

Они с сестрой тоже могли бы так, если бы много лет назад та не пропала, не исчезла с лица земли. Спустя годы это все еще выбивало из легких дух, вынуждая разум вновь и вновь прокручивать в голове тот день в поисках ответов. Гадания на чае или шаре, на нитях, даже на потрепанных картах Таро, нарисованных вручную прапрапрабабкой, не приблизили семью Мелтон к потерянной Зоэ.

Взгляд Элайн прошелся по поверхностям стола, секретера, шкафа для драгоценнейших сервизов, передающихся из поколения в поколение, остановившись на книжных полках, где между томами уютно расположились фотографии в деревянных рамках. На одном из фото Джи и Миша стоят, обнявшись, улыбаясь в камеру на фоне дома.

Элайн всегда удивлялась внешней непохожести двух сестер. У младшей Джиневры кожа была будто выбеленная, крупный нос, широкая улыбка, а кудрявые рыжие волосы разметались на ветру, стараясь затмить смуглую старшую сестру с ее маленьким лицом, короткими мышинными волосами и худосочным, словно у птицы, телом. Лишь глаза цвета льда на поверхности озера, казалось, объединяли их образы.

Как и сервизы, леденящий душу взгляд передавался от одного члена семьи другому, плавно огибая двойняшек Элайн и Зоэ, наградив их противоположным оттенком. Как всегда, мама говорила отцу, шутливо подтрунивая, мол, он пьет в день столько кофе, что глаза у него сделались такими же. Глаза цвета свежемолотого кофе. Элайн это казалось до безобразия романтичным.

Воспоминания стрелой молнии прошли сквозь тело, заставив девушку подавиться завтраком, от чего она закашлялась, прикрыв ладонью рот. Когда приступ отпустил, яичница уже не казалась такой вкусной, оставляя после себя неприятный привкус на языке.